

И. Р. Чикалова

**«БЕЗ ЧЕСТИ, БЛАГОРОДСТВА И СЕРДЦА»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ И НЕМЦЕВ В РОССИИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вплоть до развязывания боевых действий в ходе Первой мировой войны в России были достаточно сильны германофильские настроения. Это вполне объяснимо с учетом многовековых немецко-российских военных, экономических и культурных связей и наличия прочно обосновавшейся в России многочисленной немецкой диаспоры. В верхнем эшелоне государственной иерархии сказывались семейные отношения членов царствующих домов России и Германии. Если верить свидетельству статс-секретаря германского морского министерства Германии гроссадмиралу Альфреду фон Тирпицу, «сам Николай II был настроен в пользу Германии». И еще: «Николай II, который в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: “Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией”, в 1914 году также не желал войны с нами» [1, с. 196, 199]. Выходцы из Германии дворянского происхождения охотно принимались на государственную службу. Этническими немцами, уже родившимися в России и за поколения обрусевшими, были многие российские государственные деятели: премьер-министры М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, министры Е. Ф. Канкрин, М. Ф. Рейтерн, Н. К. Гирс, В. Н. Ламсдорф, Г. П. Ольденбургский, А. Вюртембергский, К. Ф. Толь, Н. К. Шауфус, Э. Б. Кригер-Войновский, Б. Х. Миних, П. И. Меллер-Знакомельский, А. Ф. Редигер, А. В. Моллер, Ф. П. Врангель, В. К. Плеве. III Отделением ведал Л. В. Дубельт, позже – А. Р. фон Дрентельн. Число же генералов и чиновников с немецкими родовыми корнями поистине неисчислимо. В российской армии в 1914 г. доля генералов немецкого происхождения составляла более 20 %. В Императорской академии наук в 1914 г. из 862 сотрудников 162, или 18,7 %, имели немецкие фамилии [2].

Подчас складывались целые сообщества, объединяемые национальными корнями. В. В. Брусилов, в будущем выдающийся русский генерал, в 1911 г. получил назначение в Варшаву. Здесь на него произвела «странное впечатление» варшавская высшая администрация: «езде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор – ее родственник, барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессен, управляющий

контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привисленской железной дороги Гескет и т.д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: “Брусиллов”. Зато после меня получил это место барон Рауш фон Траубенберг». Сам генерал-губернатор Привисленского края и одновременно командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Скалон «немец до мозга костей. Соответственны были и все его симпатии. Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, она должна командовать Россией». Брусиллов заключает: «Я знаю хорошо, что многие из этих людей с немецкими фамилиями были искренними русскими патриотами и честными людьми, но видимость этого подбора смущала многих» [3, с. 46–47].

Не только высший слой общества, в целом немецкая диаспора, представляла значительный слой населения в стране (с началом войны «немецкое засилие в России» станет мишенью для ура-патриотов). Этот фактор создавал психологически благоприятную почву для российско-германских контактов. Германию высоко ценили за высокий уровень науки и образования, доступного и для иностранцев, в том числе и русских. Множество состоятельных людей предпочитало отдыхать на немецких курортах. В среде российских интеллектуалов образ немца ассоциировался с образом носителя высоких идеалов культуры. Было достаточно и других, подчас еще более существенных, оснований военного, политического, экономического и культурного характера, чтобы стремиться к достижению союза с Германией. В их числе свое место занимал и опыт сравнительно недавних вполне благоприятных межгосударственных отношений.

В области политики традиционалисты выступали за союз с Германией и развивали идею континентального блока. Эта позиция была изложена лидером группы правых в Государственном совете П. Н. Дурново в записке императору Николаю II, поданной ему в феврале 1914 года. Будущее для страны он видел в тесном сближении с Германией, жизненные интересы с которой у России нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств, примиренной с Германией Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японией [4, с. 199]. «Записка Дурново» не вызвала практической реакции вечно колеблющегося императора, была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию. Тогда взгляды Дурново и его единомышленников разделяли далеко не все.

Германское стремление к мировому господству, проводившаяся в его русле политика «Drang nach Osten» вызывали стойкие опасения. Да и многие авторитетные современники личными наблюдениями могли подтвердить агрессивный характер германской идеологии. Летом 1914 г., незадолго до начала войны, генерал А. А. Брусиллов находился на отдыхе в немецком курортном городе Киссингене, где стал свидетелем праздника в местном парке: «Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветниками,

была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших “Боже, царя храни” и “Коль славен”, мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, посыпалась со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церковей накренились и валялись наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “1812 год”. Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церковей под грохот фейерверка загремела немецкий национальный гимн... Впечатление было сильное. “Но чья возьмет”? – подумалось мне» [3, с. 50–51].

С приближением большой войны развернулась настоящая русско-германская «газетная война». Начало ей положила немецкая сторона. 2 марта 1914 г. официоз немецкого внешнеполитического ведомства «Кёльнская газета» («Kölnische Zeitung») поместила статью «Россия и Германия», предупреждавшую немецкое общество о нависшей над ним опасности. Россия, отмечалось в статье, планирует совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 года. К этому времени «Большая программа» перевооружения русской армии, разработанная под руководством военного министра В. А. Сухомятина, будет выполнена, и русско-французский тандем получит существенное преимущество над Тройственным союзом. Единственный выход для немцев «Кёльнская газета» видела в превентивной войне против России и Франции, еще не готовых полностью к военному столкновению. Эту идею сразу подхватили многие немецкие и австрийские издания, начавшие информационную войну против России [5, с. 104–105].

Российская пресса ответила антигерманскими публикациями. Рупор партии конституционных демократов газета «Речь» заявила, что немецкие газетные выступления обусловлены противодействием России немецким планам захвата Малой Азии. Самая массовая в России газета «Русское слово», популярная со множеством читателей газета «Новое время», орган торгово-промышленных кругов «Утро России», газета партии октябристов «Голос Москвы» расценили немецкие угрозы как предостережение России от попыток изменения выгодного для Германии торгового соглашения 1904 г., устанавливавшего высокие торговые пошлины на импорт из России зерна и масла, но не защищавшего российскую промышленность от германских экспортеров. Ряд газет прямо предупреждал об угрозе перерастания конфликта в войну. «Голос Москвы» считал выступления немецких газет попыткой запугать Россию перспективой войны в случае отказа от условий будущего торгового договора, а «Новое время» предупреждало: война с Германией и Австрией может начаться в любое время, единственный выход – быть готовой к ней (см. подробнее [5]).

Не остались в стороне и официальные лица. «Биржевые ведомости» 12 марта 1914 г. опубликовали статью без указания автора под красноречивым названием «Россия хочет мира, но готова к войне». Статья отмечала, что «Россия... не думает о войне, но готова ко всяким случайностям», в статье подчеркивалось, что военное министерство отказалось от оборонительной тактики: «идея обороны отложена, и русская армия будет активной». И в заключение следовало недвусмысленное предостережение: «Если хочешь мира – готовься к войне... Россия, в полном согласии со своим Верховным вождем, хочет мира, но она готова!» [6]. Подозревали, что статью инспирировал военный министр В. А. Сухомлинов с санкции Николая II. Сам Сухомлинов в мемуарах не отрицал свою причастность к появлению статьи [7, с. 298–299]. Статью из «Биржевых ведомостей» приветствовали многие российские газеты.

Считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры к прекращению полемики, но «газетная война» марта 1914 г. способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий и психологически подготавливала массы к восприятию предстоящее объявление войны с позиций национального патриотизма.

1 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег телеграфировал послу в Петербурге: известите, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. В тот же день посол в Санкт-Петербурге Фридрих Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту об объявлении Германией войны России. Великая война началась. Так, например, писал ректор Санкт-Петербургского университета, профессор Э. Д. Гримм: «Правительства давно чужали неизбежность войны, дипломатия вела свою шахматную игру, генеральные штабы составляли планы мобилизаций и кампаний, и вся эта работа была совершенно необходима. <...> Но то, что придает этой войне ее истинный, грозный характер, то, что должно быть прежде всего учтено, если кто-либо желает понять значение совершающегося, это именно то, что сражающиеся народы сделали эту войну своей, признали ее “настоящей” и вносят в нее всю доступную каждому из них сумму напряжения духовной и материальной энергии. Когда она началась, одни отнеслись к ней как к празднику своей силы, другие как к неустранимому испытанию, но все сразу поняли, что решаться тут будет не вопрос самолюбия и не вопрос о приобретении или утрате стольких-то квадратных миль территории, а вопрос национально-государственного существования, вопрос о всем будущем данной национальной жизни и всей европейской культуры» [8, с. 1].

На фоне раскручивавшейся спирали войны многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые испытывали что-то наподобие почти радостной эйфории. Как писал в 1914 г. депутат I Государственной Думы,

профессор Московского университета С. А. Котляревский, «мы переживаем великий перелом – и не только в той сфере, в которой непосредственно проходит война. Создаются новые отношения между государствами и между народами, закладываются новые основания для устройства этих государств, новые пути развития этих народов, но кроме всего этого, меняется та духовная атмосфера, в которой жило и с которой свыклось современное человечество» [9, с. I]. Многие публицисты, общественные и политические деятели, ученые надеялись, что с окончанием войны «человечество вступит в новую эру, а международная жизнь в корне преобразится» [10, с. 11].

Разворачивавшиеся военные события имели своим откликом появление множества публикаций, большей частью популярного характера, направленных на формирование соответствующего имиджа участников конфликта: «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», – писал К. И. Чуковский на страницах «Нивы» об английском солдате [11, с. 318]. И наоборот, в отношении Германии и немцев. Начало было положено вбросом идеи о несовместимости «гуманистического» мировоззрения союзников и идеологии «германизма». 15 октября 1914 г. французский философ Эмиль Бутру опубликовал в парижском журнале «Revue des deux Mondes» письмо под названием «Германия и война». Оно сразу же было переведено и издано отдельной брошюрой на русском языке. Представляя брошюру, издатель писал: «Бутру противопоставляет мировоззрение латинских народов, мировоззрение гуманистическое и христианское, мировоззрению, господствующему ныне в Германии, в основе которого лежит апофеоз эгоизма и германизма» [12; 13].

Противопоставление «германизма» врагов и «гуманизма» союзников стало рефреном множества вышедших в России публикаций. Это были отдельные издания и серии брошюр «для народа», – например, цикл «Война и культура», издававшийся Исторической комиссией Общества распространения технических знаний. Ее редакторами были историки А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов, В. И. Пичета. Одна из брошюр, «Немецкая культура и война», была написана А. К. Дживелеговым [14]. В ней он попытался ответить на поставленные им самим вопросы: «Почему исчез без остатка старый германский рыцарский дух и появилось злое коварство? Почему высокая культурность оказалась маской, из-под которой глядит теперь на всех, оскалая зубы, чуть не первобытное варварство?.. Почему вспыхнувший было перед войной в рабочем классе порыв благородного идеализма погас так легко, и волны милитаристической горячки покатались из конца в конец по родине Канта, апостола вечного мира?» [14, с. 1–2]. Ответы на эти вопросы Дживелегов ищет в истории Германии. Начиная с объединения в 1870 г., Германия, считает автор, превратилась в Великую Пруссию и сохранила в имперской конституции стиль военного государства – нигде милитаризм не был так тесно связан с самим духом государственности, как в Германии. Был преобразован сам дух бюргерства. «Ему, наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную

силу: он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем: он проникся высокомерием. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он проникся верою в немецкий гений и в звезду Германии. Его, готовившегося наслаждаться миром, напугали идеей реванша и перспективой потери всех завоеванных благ: он сделался жесток» [14, с. 58]. Эти качества, заключает Дживелегов, сделались национальными, немец «возомнил себя царем мира».

В потоке публицистических (и не только) разоблачений немецкого коварства прочно обосновалась тема немецкого засиления в России, потенциального внутреннего предательства со стороны немецкой диаспоры и существования развернутой системы германского шпионажа. Тон ей задавал издатель массовой консервативной газеты «Новое время» Б. Суворин. В течение первых месяцев войны его газета ежедневно помещала в среднем по две статьи о немцах, проживающих на территории империи. Как пишет в своей работе Э. Лор, «это был буквально поток публикаций, обвинявших немецкое меньшинство в шпионаже, расселении согласно заранее составленному германскому колонизационному плану, захвате всех значительных постов в экономике, угнетении русских рабочих и открытых симпатиях к врагу» [15, с. 37].

«Защищать родину внутри страны», избавиться от «немецкого засиления в России», потому что «практически немцы приносят нам огромный вред, как активные германские пособники и как шпионы, при чем такими шпионами являются не отдельные, небольшие единицы, а почти поголовно все немецкое население» поставило задачей Общество 1914 года [16, с. 2]. Оно развернуло активную пропагандистскую и практическую деятельность. «Мирное завоевание России немцами» – с таким докладом, сразу же опубликованным отдельной брошюрой, выступил на чрезвычайном общем собрании членов Общества 13 марта 1915 г. И. И. Сергеев [17]. В нем он утверждал, что к началу войны около 70 прибалтийских немцев с дворянскими титулами и российским подданством состояли на военной службе в Германии [17, с. 59–60]. «Золото Рейна» – в брошюре с таким названием сотрудник «Нового времени» А. М. Селитренников (псевдоним Андрей Ренников) на примере немцев-колонистов юго-запада России аккуратно подводил читателя к мысли, что все они являются агентами Германии [18]. С откровенно националистических позиций выражал надежду на конец немецкого влияния в России профессор Варшавского университета В. В. Есипов: «Пришел уже конец засилению немцев в России. <...> Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким» [19, с. 7]. Отказаться от иноземного влияния во всем, переименовать немецкие названия городов, очистить речь от немецких слов – предлагает В. В. Есипов на страницах первого выпуска сборника материалов, посвященных вопросу борьбы с так называемой внутренней Германией. У сборника было весьма говорящее название – «Немецкое зло» [20].

Риторика националистов совпадала, будь-то профессура (не все же были интеллигентными кадетами), будь-то представители генералитета. Бывший ректор Варшавского университета П. И. Ковалевский с «профессиональной» точки зрения психиатра ставил диагноз немецкой нации, «скотские чувства» которой «ныне даже усилились»: «чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного», «поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и при том варваром низшего сорта, без чести, правды и порядочности», «порядочность для них – дело условное» [21, с. 6, 9, 14]. В состоянии антигерманской истерии, с чисто военной прямолинейностью генерал-майор Н. Поливанов утверждал: «Современный немец, где бы он ни проживал, – к Востоку или Западу от нашей границы, в одинаковой степени нравственный выродок, дегенерат, физическое существо без моральной подкладки, без чести, благородства и сердца» [16, с. 8]. Поэтому доверять никому нельзя. Так, Н. Поливанов пишет: «Германский шпионаж является всепоглощающей организацией еще мирного времени, во главе которой стоят посольства и все консулы. Взглянув на карту немецкого расселения за последние 45 лет, мы прежде всего увидим, что немцы селятся по известному, строго разработанному военному плану: они окружили вражескими кольцами все наши крепости, заняли важнейшие переправы, усеяли колониями все главнейшие стратегические направления. Уже один только характер расселения сам по себе исключает всякую возможность считать колонистов лояльными, не говоря о вопиющих фактах» [Там же, с. 2–3].

Факт всепроникающего германского шпионажа подкреплялся утверждениями и фактами, приведенными в достаточно большом по объему исследовании «Немецкое шпионство», которое не оставляло места сомнениям о существовании разветвленной немецкой шпионской сети [22]. На 336 страницах книги, составленной помощником военного прокурора А. С. Резановым, демонстрируются задачи, идеология (пангерманизм), цели, масштабы, организационные формы и методы немецкого шпионства в разных странах, в том числе и в ходе уже развернувшейся войны. Автор приводит множество интересных деталей, в том числе по использованию мирного населения в шпионской деятельности, формированию кадров шпионов из людей разного социального положения, роль в этом деле немцев-колонистов в России, особенно в прибалтийском крае. В ряде случаев он ссылается на переведенную на русский язык книгу о немецком шпионстве во Франции П. Лянуара, который, по словам переводчика, «настолько углубил и расширил исследование вопроса, что читателю представляется совершенно отчетливая картина всей системы германского шпионства» [23, с. V].

Резанов не оставляет сомнений у читателя о том, что немецкое шпионство и накануне войны «преследовало значительно более широкие цели, выполняя задачи, поставленные не только германским генеральным штабом, но также и министерством иностранных дел. Вся внешняя политика немцев была основана на работе их шпионов, почему, исследуя эту область немецкой деятельности, порою бывает невозможно провести резкую черту между

работой немецких политиков и немецких шпионов» [22, с. 61]. «К сожалению, кодекс немецкой морали для многих стал понятен только после того, как разразившаяся война сорвала фиговый листок со всех немецких действий. Правила международной чести немецкие политические и военные деятели считали глупыми предрассудками, удобными лишь для того, чтобы служить маской немецкой официальной подлости» [Там же, с. 62]. Откуда же берется подобное пренебрежение нормами морали, задается вопросом Резанов. И сам на него отвечает: «Политики, ученые, публицисты, – одним словом, весь лагерь обнаглевших немцев, т.е. добрых $\frac{3}{4}$ современной Германии, считали, скажем недавними словами редактора “Zukunft’a” Гардена, что немцы – сверхнация, призванная господствовать над всем миром» [Там же, с. 62–63].

Уже начало войны показало, что немецко-австрийские войска не намерены придерживаться общепризнанных норм морали в отношении мирных граждан захваченных территорий, оберегать очаги и памятники мировой культуры, попавшие в зону военных действий. Вторгнувшись в Бельгию германские солдаты 25–27 августа 1914 г. подожгли и превратили в пепел университетский город Лёвен и его знаменитую богатейшую библиотеку, а затем, уже на территории Франции, 20 сентября обстреляли из артиллерии Реймский собор – выдающийся памятник архитектуры и место коронации практически всех французских монархов. Возмущение и осуждение вызывали не только варварские методы ведения войны, но и согласие с ними в Германии. Даже немецкие ученые, в обращении «К культурному миру», подписанном 93 интеллектуалами, пытались защитить милитаризм и обосновать правомерность агрессии: это неправда, что Германия виновница войны, «неправда, будто наши войска безжалостно обрушились на гор. Лёвен», «неправда, будто война ведется нами с нарушением требований международного права» [24]. Мир эти оправдания не принял, расценив германских милитаристов как «современных тевтонов с новейшей техникой», «варваров XX века». Поднялся поток возмущений и протестов российских ученых не только в отношении методов германской армии, но в связи позицией немецких интеллектуалов [25, с. 3–5].

С первых дней войны прессу заполнил поток сообщений о недопустимом в цивилизованном государстве отношении к русским, которых война застала в Германии. В Германии работало много сезонных рабочих. Их было много: в 1910 г. в Германии проживало 137 697 русских подданных [26, с. 54]. К началу войны их, видимо, было больше, но сколько точно, трудно сказать. Газеты писали, что с началом войны в Германии задержали около 45 тыс. сельскохозяйственных рабочих из России [27, с. 14]. Говорили и о нескольких сотнях тысяч русских, оказавшихся на германской территории к моменту объявления войны [28, с. 8]. Они были интернированы.

Кроме того, в различных городах Германии, в том числе Берлине, оказалось множество русских, приехавших в Германию по делам предпринимательства, на учебу, отдых и курортное лечение [29; 30; 31]. Эти люди

относились к российской политической, военной, научной и культурной элите. В Германии накануне войны оказались многие видные сановники, генералы, профессора, адвокаты. Наиболее информированные вовремя уехали. Те, кто недооценил опасность и не успел, уже на третий день войны были задержаны и под контролем властей высланы из страны. Но случилось это не скоро, а путь домой оказался полон унижений и издевательств. К тому же многие мужчины призывного возраста вообще были интернированы и оставались в Германии до конца войны.

В российских газетных заметках и обличительных брошюрах приводились рассказы очевидцев о злключениях интернированных представителей разных социальных слоев и профессиональных групп, в том числе деятелей науки и культуры. Составитель одной из них, М. А. Берг, в брошюре «Варварства германцев», ставшей доступной для читателей уже 8 августа 1914 г., привел свидетельства о злключениях русских, вынужденных на территории Германии претерпевать издевательства и насилия, а подчас и быть жертвами убийств, совершенных не только обывателями, но даже солдатами и офицерами [32]. Эта публикация не была единственной. В том же году на материалах прессы того времени А. С. Резанов выпустил сборник «Немецкие зверства» [33; 34]; тогда же на основе газетных материалов вышла «Черная книга немецких зверств» [35]. Эмоциональное изложение событий, характерное для этих публикаций, не может быть основанием для игнорирования содержащейся в них информации, помещаемые в газетных публикациях и брошюрах факты сообщались очевидцами, а их было так много, что исключается сама мысль о возможной фальсификации. Тем более, что вышли не только брошюры с пересказом свидетельств очевидцев, но и книги, содержащие собственноручно написанные показания участников событий.

Среди них выделяется сборник «В немецком плену» – свидетельства виднейших деятелей науки, культуры, государственных служащих, людей, не обремененных высокими званиями [36]. Чтобы составить представление о книге, приведем два фрагмента из нее. Профессор Московского университета И. М. Гольдштейн был задержан при попытке уехать из Германии и почти два месяца провел в плену в Ростке: «Нас поместили в комнате размером 6×9 аршин. Здесь спали на соломе вповалку 38 человек. Спали вместе мужчины, женщины, дети, здоровые и больные. Все было грязно и отвратительно. Жалобы имели своим единственным последствием грубую ругань. При этом немцы неизменно добавляли: – Русские свиньи привыкли к грязи у себя дома. Эти свиньи были: русские врачи, профессора, сановники в чине тайного советника и т.д. <...> Больше всего меня возмущали издевательства немцев, которые развлекались тем, что на глазах толпы русских делали театральные приготовления к расстрелу. Раздавали солдатам боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т.п. Конечно, с дамами делались

истерики, да и мужчины чувствовали себя не очень хорошо» [36, с. 62–63]. Посол России в Германии С. Н. Свербеев свидетельствует: «Я ехал впереди на автомобиле американского посла. Меня толпа не задела. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры следующих автомобилей были жестоко избиты толпой. Хотя Берлин официально опроверг факт избиения чинов русского посольства, но это было в действительности. Толпа избивала палками не только мужчин, но и дам. Серьезнее других пострадал г. Храповицкий – его избивали в кровь. В толпе, избивавшей русских, была не только берлинская чернь – преобладали интеллигенты... В пути нам не было предоставлено никаких удобств, и нам отказывали даже в стакане воды» [Там же, с. 79].

Подобными фактами изобилуют и воспоминания других участников эвакуации из Германии. Н. П. Карабчевский, выдающийся адвокат, председатель Петербургского совета присяжных поверенных, описал свои личные впечатления о вынужденном пребывании в стране, с началом войны ставшей враждебной [28]. Его первым шоком стало внезапное осознание краха казалось бы незыблемой формулы: право выше силы. «Пока многие годы мы дивились показной германской культуре, пока систематически заполняли все его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки, немцы аккуратно, настойчиво, с лакейской обстоятельностью грабили нас на многие миллионы... На своих “курортных гостей” немцы так и смотрели: варвары ежегодно несут установленную дань германской культуре» [28, с. 8]. С началом войны все изменилось: «курортные гости» превратились в «цивильных пленных». Соответственно стало иным и отношение к русским: из предупредительного до угодничества моментально трансформировалось в оскорбительное, унижающее человеческое достоинство, сопровождаемое психическим и физическим насилием, необоснованными обвинениями в шпионаже и арестами. Собственно, об этом вся книга.

Если злоключения выезжавших из воюющей Германии ограничивались «всего лишь» унижением, издевательствами и побоями, то судьба населения оккупированных немецкой армией территорий была трагичной. Буковинский, президент г. Калиша, центра Калишской губернии Царства Польского, рассказал о гибели возглавлявшегося им города и его жителей. Тотчас после захвата города последовал приказ: «доставить для 820 человек продовольствие, состоящее из кофе, мяса и хлеба». Это было только начало: «На следующий день немцами была конфискована городская касса, из которой забрали около 30-ти тыс. наличными». Город пережил бы грабеж, но под предлогом защиты от какой-то неизвестной колонны «в течение 15-ти минут весь немецкий отряд выступил на улицы в полной боевой готовности, и спустя несколько минут раздались выстрелы из ружей и пулеметов. Стрельба с минуты на минуту усиливалась, и, как оказалось, жертвами этой стрельбы пали до 400 невинных жителей города». Затем «все имущество, все продукты, мебель, платья – все, что представляло какую-нибудь ценность, было вывезено немцами

на фурах, принудительно доставляемых окрестными помещиками и крестьянами в Германию. Ограбленные же дома впоследствии были сожжены». И общий вывод главы города: «Число погибших невинных жителей трудно определить, так как сотни убитых сами пруссаки закапывали без малейшего содействия и без присутствия кого-либо из местных жителей. Но число это можно определить не менее как в 4000 жертв. Убивали целые семьи, не щадили ни маленьких детей, ни женщин. В одном лишь доме Щетинского перебили больше 40 людей» [36, с. 118, 122, 124].

Названные и другие подобные им публикации оперативно развенчивали германофильство. Такую же роль играли публикации, основанные на личном опыте пребывания в плену. Военный врач М. П. Базилевич собрал и письменными показаниями очевидцев закрепил бесчисленные случаи нарушения международных норм содержания военнопленных. Лично пережитое в лагере и показания еще 110 военных врачей, оказавшихся в таком же положении, и составили содержание книги о жизни русских солдат и офицеров в плену. Базилевич пишет: *«То, что мы увидели, то, что нам пришлось пережить, свидетелями каких страданий и унижений человеческого достоинства нам пришлось быть в долгие годы плена, живя в различных солдатских лагерях и рабочих командах, рассеянных по всей Германии, превосходило не только всякую смелую, но просто большую фантазию»*. И далее следуют более 200 страниц показаний, лично написанных военнопленными. В них свидетельства ужасающих условий содержания, следствием чего стала массовая гибель от голода, эпидемий, истязаний и непосильного труда. По подсчетам Базилевича в лагерях число умерших «уже теперь нужно исчислять не менее как в 400 000 человек» [37, с. 3–4]. Надо сказать, опубликованные по горячим следам рассказы военнопленных многочисленны [38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46], и все они отличаются лишь местом действия, но ни один не свидетельствует о цивилизованном отношении в лагерях к солдатам и офицерам русской армии. Собственно, таким же оно было и по отношению к гражданским лицам, имевшим несчастье попасть в жернова германской или австрийской административной или правовой системы.

Общественности быстро становилось известно о преступлениях германских войск на оккупированных территориях. К сбору информации о них и обнародованию ее подключились правительственные учреждения России и Франции. В обеих странах были созданы комиссии для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны войсками противника. Документы французской комиссии, расследовавшей преступления германской армии на территории занятых департаментов Франции, были переведены на русский язык и опубликованы в 1915 году [47; 48]. То, что нашли местные жители после ухода немецких войск, отброшенных на сотню километров после битвы на Марне, «представляло собой картину такого опустошения и носило следы таких зверств, подобно коим нельзя найти на протяжении

всей современной истории; когда же к этим немым свидетелям присоединились голоса пришедших в себя невольных очевидцев всего здесь происходившего под гнетом “культурных” германцев, то из всего этого получилась такая, поистине ужасающая картина, которой до сих пор не могло, отказывалось допустить самое смелое, даже самое разнузданное воображение» [47, с. 5].

Российская Чрезвычайная следственная комиссия, состав которой назначался императором, выпустила два тома документов о преступлениях немецких, австрийских, турецких и болгарских войск на оккупированных территориях, совершенных в апреле – декабре 1915 года [49]. К ним добавился еще один сборник показаний, выпущенный в 1917 году [50]. Свидетели рассказывали о грабежах, о принудительном труде, об изощренных наказаниях, о травле собаками и расстрелах, об особо жестоком обращении с казаками. Среди документов встречаем и такой: «В последних числах декабря 1915 г. партия, находившихся в г. Вильно русских пленных солдат, численностью до 300 человек, была отправлена к железнодорожной станции на р. Вилейке для разборки железнодорожного моста, взорванного русскими при отступлении. По прибытии на место работ оказалось, что под уцелевшей частью моста заложена невзорвавшаяся мина. В виду очевидной опасности от могущего ежеминутно произойти взрыва, пленные отказались приступить к работе. По распоряжению коменданта гор. Вильно всех пленных заперли тогда в станционный пакгауз, и последний был подожжен, причем пленным было объявлено, что они будут выпущены из горящего здания лишь тогда, когда выразят согласие подчиниться распоряжению и станут на работу. <...> Видя неминуемую гибель, пленные вынуждены были сдаться и выразили согласие приступить к опасной работе. ...произошла давка, и около 50 человек, не успевших выскочить из объятых пламенем пакгауза, погибли, а около пятнадцати человек получили более или менее опасные ожоги. Погибшие были тут же наскоро преданы земле, а спасшиеся на следующий день приступили к разборке моста. Во время работ действительно произошел взрыв и пятнадцать русских воинов увеличило собою общее число жертв германского варварства» [Там же, т. 1, с. 22–23].

Благодаря действиям самих немецких солдат на занятых территориях состоялась окончательная трансформация образа Германии и немцев в *варвара XX века*. Столь драматическое перевоплощение культурных немцев заставило подключиться к оценкам поступков Вильгельма II и его подданных даже знаменитого психиатра, академика В.М. Бехтерева. Он выпустил в 1916 г. популярную брошюру «Вильгельм – дегенерат нероновогского типа» [51]. По Бехтереву, Вильгельм II «представляет собой личность не совсем обычную, и при том личность, которую вполне нормальной с строго научной точки зрения признать было бы трудно» [Там же, с. 10]. Он хвастлив (в мире нет вопросов, которые решались бы без воли германского императора; где раз немецкий орел захватил владение и запустил свои когти в землю, там земля становится немецкой и немецкой останется), склонен ко лжи (на немцев

напали), цинизму и жестокости (пощады не давать, пленных не брать, поражать врагов среди своего же народа – и тогда стрелять в собственные семьи). «Нужно ли еще, – заключает Бехтерев, – новых доказательств тому, что Вильгельм не только сторонник самых суровых мер, но и является представителем ярого деспотизма и жестокосердия?» [51, с. 10–12]. Бехтерев характеризует императора как человека с признаками психического вырождения, и в этом отношении сравнивает его с римским императором Нероном, который отличался таким же психологическим типом, с пониженным чувством нравственного чувства. При этом утверждения о психической ненормальности императора неосновательны. Ни сам император не был сумасшедшим, ни германский народ не был подвержен массовому психозу, как об этом говорят. В его деятельности всего лишь в концентрированном виде проявилась идеология милитаризма, что в полной мере соответствовало последовательно выраженному в течение нескольких десятков лет стремлению к мировому господству [Там же, с. 7, 8–9]. Но это, замечает Бехтерев, – систематическая работа германского ума, а не проявления сумасшествия, поэтому он «не может подлежать освобождению от ответственности за свои поступки и действия ни перед современниками, ни перед историей, и вместе с теми слоями германского общества, которые его поддерживают, должен нести на себе всю тяжесть моральной ответственности, за все те бедствия, которые он причинил своей стране воюющим с ней народам» [Там же, с. 43].

К 1917 году в политической и интеллектуальной повестке страны произошли грандиозные перемены. Оставление армией после почти шестимесячного отступления огромной территории, большие потери, беженство и страдания мирных жителей привели к смене настроений в обществе и особенно в армии. На смену алчному, циничному немецкому варвару пришел другой немец – простой германский солдат, много месяцев сидевший напротив русского солдата в окопах, растянувшихся по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск. Этот немец, хоть и враг, но также уставший от войны и мечтавший о возвращении домой. В таких условиях пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями уступил место другому призыву – закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, кто ее развязал. На смену врагу внешнему пришел враг внутренний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тирпиц, А.* Воспоминания / А. Тирпиц. – М. : Воениздат, 1957. – 656 с.
2. Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год. Выпущена 20 марта 1914 года. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1914. – [3], IV, 245, [3] с.
3. *Брусилов, А. А.* Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. ; Л. : Гос. изд-во, Отдел воен. лит., 1929. – 249, [14] с.

4. *Дурново, П. Н.* Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича / П. Н. Дурново // Красная новь. – 1922. – № 6 (10). – С. 178–199.

5. *Котов, Б. С.* Образ врага накануне вооруженного конфликта: русско-германская «газетная война» марта 1914 года / Б. С. Котов // Предпосылки Первой мировой войны : сб. док. Междунар. конф. 9–11 июня 2013 г. – Вильнюс, 2013. – С. 104–115.

6. Биржевые ведомости. – 1914. – 12 марта (27 февр. по старому стилю).

7. *Сухомлинов, В.* Воспоминания / В. Сухомлинов. – Берлин : Рус. универсальное изд-во, 1924. – 438 с.

8. *Гримм, Э. Д.* Борьба народов / Э. Д. Гримм // Вопросы мировой войны : сб. ст. / под ред. М. И. Туган-Барановского. – Петроград : Кн. склад «Право», 1915. – С. 1–20.

9. *Котляревский, С. А.* Война // Вопросы философии и психологии. – 1914. – Кн. 124 (IV). – С. I–VII.

10. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / В. Б. Аксенов [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Петров. – М. : РОССПЭН, 2014. – 982 с., [28] л. ил.

11. *Чуковский, К.* Англичане / К. Чуковский // Нива. – 1915. – № 16–17. – С. 318.

12. *Бутру, Э.* Германия и война / Э. Бутру. – Петроград : Изд. С. Т., 1914. – 40 с.

13. *Бутру, Э.* Германия и война / Э. Бутру // «Немецкое зло» : сб. ст., посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. – Вып. 2. – 1917. – С. 5–21.

14. *Дживелегов, А. К.* Немецкая культура и война / А. К. Дживелегов. – М. : Изд-во «Печать т-ва И. Н. Кушнеров», 1915. – 63 с.

15. *Лор, Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : НЛЮ, 2012. – 301 с.

16. *Поливанов, Н.* О немецком засилии / Н. Поливанов. – 2-е изд. Петроград : Книгоизд-во «Общество 1914 года», 1916. – [2], 10 с.

17. *Сергеев, И. И.* Мирное завоевание России немцами : доклад, прочитанный в чрезвычайном общем собрании членов «Общества 1914 года», 13 марта 1915 г. / И. И. Сергеев. – Петроград : книгоизд-во «Общество 1914 года», 1915. – 68 с.

18. *Ренников, А. (Селитренников А. М.).* Золото Рейна: О немцах в России / А. Ренников. – Петроград : Тип. Товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. – [2], 395 с.

19. *Есипов, В. В.* Германцы. I. Жестокий народ. II. Жестокое право / В. В. Есипов. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1915. – [2], 48 с.

20. *Есипов, В. В.* Славяне и немцы / В. В. Есипов // «Немецкое зло» : сб. ст., посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». – М. : тип. А. И. Мамонтова, 1915–1917. – Вып. 1. – 1915. – С. 21.

21. *Ковалевский, П. И.* Немцы – психологический очерк / П. И. Ковалевский // Наши враги. Очерки / ред. П. И. Ковалевский, С. Г. Сыромятников, А. М. Михайлов. – Петроград, 1915. – Вып. 1. – С. 1–72.

22. Немецкое шпионство : кн. сост. по данным судеб. практики и др. источникам / А. С. Резанов. – Петроград : М. А. Суворин, 1915. – VIII, 336 с.

23. *Лянуар, П.* Немецкое шпионство во Франции / пер. с фр. Н. М. Лагова. – СПб. : Изд. В. Березовский, 1910. – VI, 174 с.

24. Воззвание 93-х представителей к цивилизованному миру // Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / изд. В. И. Адамович. – Петроград : типо-лит. С. К. Пентковского, 1915. – С. 6, 8.

25. *Ростовцев, Е. А.* Академический патриотизм: пропагандистские тексты преподавателей российской высшей школы в годы Первой мировой войны / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 3. – С. 3–21.

26. Карманная энциклопедия войны 1914 года: 1. Статистический справочник. 2. Лексикон военного времени. 3. Географический словарь. 4. Атлас театров военных действий. – Петроград : Тип. Е. М. Брумберга, 1914. – 159 с., 6 л. карт.

27. *Милютин, В. П.* О влиянии войны на состояние рабочих сил в России / В. П. Милютин. – М. : Тип. О. Л. Сомовой, 1914. – [2], 28 с.

28. *Карабчевский, Н. П.* Мирные пленники: В курортном плену у немцев: Впечатления и наблюдения / Н. П. Карабчевский. – Петроград, [1915]. – 129 с.

29. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. – Вып. I. – 24 с.

30. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. – Вып. II. – 104 с.

31. Список русских подданных, застигнутых войной за границей / М-во иностр. дел. – Петроград : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. – Вып. III. – 58 с.

32. Варварства германцев / сост. М. А. Берг. – СПб., 1914.

33. *Резанов, А. С.* Немецкие зверства : Кн. составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам / А. С. Резанов. – Петроград : М. А. Суворин, 1914. – XXIV, 220 с.

34. *Резанов, А. С.* Немецкие зверства : Кн. составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также по официальным документам / А. С. Резанов. – 2-е изд., доп. – Петроград : М. А. Суворин, 1915. – XXIV, 438 с.

35. Черная книга германских зверств / под ред. и со вступ. ст. М. В. Головинского. – СПб. : Орбита, 1914. – 56 с.

36. В немецком плену : рассказы / Рассказы проф. Н. Кареева, К. Станиславского, А. Дживелегова, проф. И. М. Гольдштейна, Н. Сперанского, К. Мазинга, бывшего посла в Берлине С. Н. Свербеева, президента гор. Калиша Буковинского и др. – М. : «Наши дни», 1915. – 184 с.

37. *Базилевич, М. П.* Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы : материалы, собранные М. П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена русских врачей / М. П. Базилевич. – Петроград : Тип. т-ва Суворина «Новое время», 1917. – 208 с.

38. *Григорьев, С.* Два месяца в германском плену (впечатления, наблюдения, выводы) / С. Григорьев. – Одесса : Порядок, 1914. – 104 с.

39. *Курмояров, И.* Страшная повесть: Рассказы русских солдат, бежавших из недр германского плена / И. Курмояров. – Петроград : Грамотность, 1915. – 19 с.

40. *Сергиевский, Н. Н.* Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев / Н. Н. Сергиевский. – Петроград : Изд. журн. «Наша старина», 1915. – 116 с.

41. *Кривцов, А.* Жизнь русских воинов в плену / А. Кривцов. – 1916. – 20 с.

42. *Кривцов, А.* Истязания и убийства русских раненых воинов / А. Кривцов. – 1916. – 32 с.

43. *Навоев, П. Е.* Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии / П. Е. Навоев. – Петроград, 1915. – 47 с.

44. *Румша, К. Ю.* Пребывание в германском плену и геройский побег из плена / К. Ю. Румша. – Петроград : Скобелев. ком., 1916. – 107 с.

45. *Якушев, Д. П.* В плену у немцев: письма и рассказы русских военнопленных / Д. П. Якушев. – Петроград, 1916. – 38 с.

46. Наши воины в плену / Всерос. союз городов. Петрогр. обл. ком. Отд. о военнопленных. Комис. изучения быта и защиты прав. – Петроград : Синод. тип., 1917. – 41 с.

47. Организованные преступления германской армии / пер. с фр. Н. М. Лагова. – Петроград : В. А. Березовский, 1915. – 103 с.

48. Германские зверства : официальный отчет французской комиссии для обследования действий неприятеля, нарушающих постановления международного права / пер. с фр. с предисл. В. Саблера. – Петроград, 1915. – 25 с.

49. «Наши враги» : Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 года по 1 января 1916 года : в 2 т. – Петроград : Сенат. тип., 1916.

50. Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии: по доп. сведениям / Чрезвычайная следственная комиссия. – Петроград : Сенат. тип., 1917. – 49 с.

51. *Бехтерев, В. М.* Вильгельм – дегенерат неронового типа / В. М. Бехтерев. – М. : Наша жизнь, 1916. – 44 с.